

Владимир Фролов
Сокровенное

Исполнение желаний

Владимир Фролов
Сокровенное.
Исполнение желаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25278059

ISBN 9785447483500

Аннотация

Эта книга создавалась многие годы и имеет биографический характер. Автор любит жизнь и все, что с ним происходит старается отразить в своих стихах и небольших поэтических юмористических зарисовках.

Содержание

Прелюдия	9
«Я вижу обнаженной грудь...»	11
Язычок	12
Лилиям	14
Спина	16
«День ушедший не вернется...»	20
Собаки	23
Яма	26
Автомат	28
«Я видел: тебя провожали...»	30
Жизнь	32
Метаморфозы	36
Гамлет Второй	38
Старость	41
«...И бродит наслаждение...»	43
Чёрно-белые розы	44
В гостях	46
Желание	48
Маг наг	50
Детское	51
«Каштановые волосы...»	53
Глаза	55
Я – морж	57

«Пришла любовь пожаром...»	59
«...Идет она кипучими...»	61
Стихи	63
Катастрофа	64
Эротика	66
Глиняное моё	67
Поезд (трилогия)	69
Забывтое	73
5 песен о художнике	75
Хрустальный корабль	77
Частушка	78
На нечистых прудах	80
Здравый смысл	81
Цирк	82
На вокзале	84
Балет	86
«Стихи из завязи...»	87
Локоны	88
Ночь	89
Как ребенок	91
«Длинные и рыжие языки от пламени...»	92
«То появляются...»	93
Пуговики	94
Цветок	95
Белым саваном	96
Вальс весне	98

Ухожу из замка	100
Чудодей	102
Подземелье	104
Тела	105
Недотрога	107
Дирижёр	108
Музыкант	110
Трещина	112
Жажда	114
Приглашение	114
Комната №13	115
Комната №17	119
Комната №22	122
Выход	123
Эпилог	125
Песенка	126
Хочу тебя	127
«Красивая и безрассудная...»	128
Нега	130
Детское	131
Белошеея	133
Стансы	134
Слоны	136
Измена	137
Зеркала	139
Двойник	140

Её памяти	142
Льдинки	143
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Сокровенное Исполнение желаний

Владимир Фролов

© Владимир Фролов, 2017

ISBN 978-5-4474-8350-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прелюдия

У святых людей
видны
крылья белые...
за спиной.

Шагал
ангел
с алыми крыльями
по голубой небыли.

В шее лебеда есть
что-то змеиное.

У яйца нет морщин.

Я вспомнил формулу лица —
лица начала и конца
лица-яйца.

Солнце
никто
не переживет.

Навстречу много жизней

проносится стремглав
и в каждой новой жизни
по-своему ты прав.

Я по Белому шел до Шагала,
Наслаждаясь своей немотой.

«Я вижу обнаженной грудь...»

Я вижу обнаженной грудь.
Она пышна и белоснежна.
К ней так и хочется прильнуть
С улыбкой нежной и лукавой.
Скажи ты ею любовалась,
Когда была совсем одна?
Своими пальцами ласкала
Сосков коричневую твердь?
О чем тебе тогда мечталось?
Ты это мне сейчас доверь!
Вот я целую их, ловлю
своими жадными губами
И об одном судьбу молю
Чтоб и тебя коснулось пламя,
В котором я один сгорю
Скажи мне:
Я тебя люблю!

Язычок

Губы раскрытые
в сладном порыве
душу опасным
призывом смутили...

Черная кошка
на розовом теле...
Сколько художников
тело воспели!

Губы пылали,
пытали, молили
в нежном оскале
любимыми были

Черная кошка
казалась другою
с чувственной дрожью
прогнувшись дугою.

Губы растравлены
нежной борьбою.
Губы отравлены
острою болью.

Черная кошка
устало дышала.
Из розовой пасти
Жало бежало.

Лилиям

«О, прикрой свои бледные ноги»

В. Брюсов

Мне не жаль умирающих лилий
В замерзающем, старом, пруду.
Сколько в жизни погибло идилий,
Да не так, а у всех на виду!

Там живые, а это растенья —
Через год их семья оживет.
Почему я так странно растерян,
И тревога от сердца нейдет?

Что-то в крике изломанных линий,
В темном зове зловещих глубин
Мне напомнило горе насилий,
что с коварной усмешкой, творим.

Где-то вечное тешится лето.
Холод, слякоть, тоска —
только здесь!
Кто-то также во мгле предрассветной
Жаждет жертвою нежною цвель!

Мне не жаль тех погибших созданий,
Утонувших в любовном бреде.
Только этим цветам, с опозданием,
Молча, бледную руку тяну.

Спина (Памяти Сальвадора Дали)

«Когда Рафаэль вдохновенный...»

Ее спина жила особой
Непостижимой красотой.
Слова одних дышали злобой,
другие мучились тоской.

Струилась в отблесках лиловых
Все извращающая страсть.
И все вокруг предстало новым
И ликовало, чтоб упасть.

Любить ее, лица не видя,
Желать ее, как никого.
Себя таким возненавидеть
И все ж добиться своего.

Не понимать иль не желая
во тьму влекущее признать,
Ворота сладостные рая
Открыть и запах обонять.

И стать навек опустошенным.

Все связи с миром потерять.
Воспеть разврат и искушенность.
И всех на свете презирать.

Одну ее ласкать и тая
Миры иные постигать.
Упасть так низко, что рыдая,
До звезд сияющих достать.

Сквозь все пройти
И изумляться,
тому как далеко идти.
И отрицать и вдохновляться
На этом низменном пути

И в полночь нехотя проснуться.
И вот сидеть так, в полусне.
Себя, припомнив, содрогнуться.
Она к стене, а ты к спине.

Но верить в то, что обладая
Откроешь новые миры.
И замирая, умирая,
Принять иной ее дары.

Насытиться, наколдоваться,
Нарадоваться, наблудить...
В нее влюбиться и остаться,
Лица не увидев, со спины.

Ее спины! Такой несчастной!
Такой доверчивой, такой...
Такой зовущей силой властной,
Что все оставишь за собой.

Спешి обнять неясный призрак —
Ты обладаешь пустотой.
Лунатик мчится по карнизу
И падает вниз головой.

Спеши обнять,
но жизнь трехмерна
А этот снимок жалкий след
Ее спины такой ранимой
Которой не было и нет.

Вас только двое: ты и гений
Тебе доверивший ее.
Он осознал твое паденье,
И кистью выразил свое.

Он показал мазком волшебным
Спины высокий идеал.
Он пищу дал голодным щедро
И мир в неведомость послал.

И ты и он стоите рядом.
Он озираясь, ты без слов.

И между вами как награда
Ее нездешняя любовь

Вы вдруг увидели такое
Что не увидеть никому.
И стало вас безумцев трое
А было мукой одному.

«День ушедший не вернется...»

*«Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным повистом свисти»*

Э. Багрицкий

День ушедший не вернется,
Позабывтый безнадежно,
Но случайно встретишь нежность —
Крик отчаянный души...

Ты своим привычкам верный.
Птицелов красоток скверный,
Если сеть твоя готова,
Что ж бросай, но не спеши.

Лично я давно считаю:
Полюбить дано тому лишь,
Кто родную душу встретит
Среди тысяч не таких...

Ты одна на целом свете,
Там, где волны гонит ветер,
И свирепо их бросает
В дома белую стену.

Утром ходишь на работу
По песку седого моря,
И не ведаешь, что ссоришь
Ты меня с самим собой.

Как старик сижусь угрюмый.
И тревожат мысли-думы.
Как мне стать благоразумным,
Если слово за тобой?

Скажешь ты и брошусь в море,
Стану смешанным с волною,
И к ногам твоим приближусь
И лизну их, как щенок.

Жду давно уже я слова,
Но, навряд, ли ты ответишь,
На вопрос, который раньше
Я тебе не задавал.

Даже должен я признаться,
Что тебя я незнакомый.
Просто за окном вагона
Я увидел профиль твой.

Так что зря тебя я встретил,
На беду свою я встретил,
Потому что я не знаю,

Где твой дом стоит вообще.

Но я верю – он у моря,
Потому что надо верить,
А иначе невозможно,
Жить как тысячи других.

Собаки

«Не знаю, кем я был, пока я не был...»

«Не зря они с нами рядом!»

Отринуты обществом,
брошены в стаю,
бродят собаки,
друг с другом играя.

Ночью холодную
воют тоскливо
вечно голодные
грязные псины.

Иль в одиночестве
или попарно
носятся-носятся
в гонке кошмарной.

Нюх обостренный
их выручить должен.
Домом приходится
угол отхожий.

Помнят: когда-то,
что дом охраняли.
Невиноватые —
их побросали.

Шея потерта
и лапы разбиты...
Отнимут у черта,
чтоб брюхо насытить.

Смотрят понуро
в глаза человечьи.
Ждут проявления
человечности.

Умные глупые
чистые грязные
Бродят по кругу
Твари несчастные

Яма (Памяти Пивной)

В баре низком и унылом
Дым стоял столбом.
Мы лакали молча пиво,
за большим столом.

В туалеты дверь открыта,
И мочой несет.
Кто-то голосом испитым
Разговор ведет.

«Вот жена ушла, подлюка» —
Значит мало бил!
И висит такая скука,
Хоть пляши кадрили.

Рядом плачет и смеётся
парень молодой.
В стельку к вечеру напьется,
и пойдет домой

Залетели две подружки
в модных сапогах.
Хватанули по две кружки.

Прямо сущий страх.

Баба пьяная орала
мужиков костила.
Гоготала вся орава,
втягивая пиво.

За столбом стоял в пенсне
Человек приличный.
Наливал в стакан себе
под столом «Столичной»

Делал вид, что ни при чем,
Морщился открыто,
пил стакан одним глотком,
И смотрел сердито.

Автомат забрал монету,
пиво не долил.
Был и я там, за поэта.
Виршу сочинил.

Автомат

И вот настал последний день,
Когда вокруг меня,
Печальная сомкнулась тень,
Желанья усмиря.

Остались где-то позади,
За черною чертой,
И детства чистые мечты,
И юношества боль.

Все словно замерло во мне —
Железный автомат,
Иду по жизни как во сне,
Не плачу и не рад.

Была любовь в твоих глазах,
Я видел влажный блеск.
Но гнал вперед какой-то страх,
шепча мне злобно: нет!

Все превозмог, все осмеял
Всесильный человек.
И безразличия змея
Мой удлинила век.

Я днем живу почти как все,
Но лишь наступит ночь,
Душа на медленном огне
и боль не превозмочь.

Стальные нервы ослабев,
Виденьям мозг отдав,
Поют мне нежно о луне,
О бархатных глазах.

Невыносимую тоской
Пугает явь тогда...
О, только бы за миг с тобой
Я б жизнь свою отдал!

Но утра час наступит вновь!
И, должен я забыть
Свою безумную любовь
и снова сильным быть.

Звучит победной стали звон,
Мне ль помощи просить?
Я в жизнь безудержно влюблен
И значит должен жить!

«Я видел: тебя провожали...»

Я видел: тебя провожали,
глазами-углями жгли.
Глаза твои отражали
всю бездну чужой любви.

Нетленное в них дышало
и этот, волнующий ток,
мне в сердце вонзался жалом.
Я глаз отвести не смог.

Они не меня желали,
Их кто-то другой желал.
Глаза меня пожирали.
И я их поцеловал!

Какое смешение чувства,
без тени смущения лиц.
Неведомое искусство
за миг распластаться ниц...

Автобус по улицам мчался,
шофер обезумел совсем.
И кто-то навзрыд рассмеялся,
а я был спокоен и нем.

Жизнь

(Трилогия)

1

Под действием неведомых,
Невидимых пружин
Под кожей задубелою
Не тлеем, не дрожим...

Несемся вдоль по плоскости,
Вопросы в стороне.
Боимся чьей-то косности,
А пьем наедине.

Не бережем отчаянность
Для близких, но чужим...
Сдаем себя нечаянно
Взамен на ласки дым

Так в суете, беспечности
Теряем день за днем
Как вдруг по-человечески
Возьмем да и умрем

И мимо скачут славные
Гнедые русаки —

Легки движенья плавные,
Близки и далеки

2

Под действием неведомых пружин
Мы достигаем славы и размаха.
Однажды постигаем Пастернака,
Чтобы затем расстаться важно с ним

Перед полотнами робеем Пикассо:
Величие, маразм, иноязычье!
А может – это стрелки у часов
Остановились в позе неприличной?

И вдруг понятен станет Сальвадор
Дали – неистово жестокий.
Кипит в крови у каждого задор,
Сомнений дали и горой пороки

И, наконец, в безумной тишине
Среди таких же, немощью спокойных
Отправишься по лону, при луне
В приют сердец уже не своевольных

3

предназначенье...
Предназначенье наше неизвестно.
Ни нам самим, тем более другим.
Живем-тесним чужих, неинтересных.

Глотаем скуки яд сквозь ароматный дым.

Отраву жгучую...

Отраву жгучую льем до краев стаканов,
Пьем, забывая мерзость отчуждения.
Как старики стремимся в тьму вокзалов
И ищем встреч – мгновений исступленья

Они не любят...

Они не любят нас как мы бы их любили.
Им ты не нужен – кров необходим.
Глядится сквозь размазанные «были»
Изглоданной бессонницей «интим».

Вонзаясь в тело...

Вонзаясь в тело острыми клыками
В оргазм, сливаясь разом навсегда
Сплетаются узлами-волосами
Паучьей хваткой липкие тела

К чему писать...

К чему писать нелепые картины
К чему слагать отпетые стихи
По свету бродят люди-половины,
Но их сердца безмолвны и глухи

Но их сердца...

Метаморфозы

лежала желтком в белке
зима с поволокой глаза
словно кто-то на велике
проверял тормоза
алой змейкой томатный сок
расплескал на снегу
белый как порошок
как невеста в пургу
в натюрморте жила душа
старомодного доброго пса
уходили созвездья туша
поезда глаза
уходя возникали прочь
kozyрьком картуза
как у мамыши скочь
как у папаши пузо
лежала желтком в белке
зима с поволокой глаза
карамелькой на языке
солнцем за...

Гамлет Второй

«Издалека,
из ниоткуда,
мы взглядемся друг в друга,
таясь...»

«И так вся жизнь: миг бытия
и годы медленного тленья...»

Сгореть?
Истлеть?
Пугающий вопрос,
нам всем поставленный,
в упор,
с размаха.
Пытаемся
Шекспира одолеть
сквозь перевод
Бориса Пастернака.

Нам хочется!
А сможем ли понять,
взрывающее строки
вдохновенье?
Ведь нам по сути

на Шекспира
наплевать.
Нас ра-
дует
сомненье,
самомяенье.

Насыщены
усталостью,
враньем.
Напыщены
тщеславием
и злобой.
Подумать стыдно
для чего живем,
зачем в постели
голые
мы оба.

Мы тратим жизнь
на пошлость,
суету,
на тех,
кто нам
среди других
полезней.

Но вот ударит
правда

по хребту,
И с ног летишь
как от лихой
болезни.

Так почему,
собой же дорожа,
к другим
претензий
предъявляем много?
Идем во тьму по лезвию ножа,
смеясь над теми,
кто летит
под ноги?

Старость

Я ощущаю искренность людей
на близком и далеком расстоянии.
У одиночества немало злых путей.
Всех манит звезд неясное сиянье.

Общенья ищу среди других,
таких же одиноких и несчастных.
Кричу во тьму, но замирает крик,
и все попытки сблизится напрасны.

Как странен мир не дружества людей,
в котором мы серы и неприметны...
Ты поделись со мной бедой своей!
Ты поделись со мной мечтой заветной!

Как труден первый шаг для нас с тобой.
Гнетет нас яростно усталости дремота.
Кивнуть не успеваю головой,
как ты уходишь, подавив зевоту...

И остаемся мы наедине
с пустой тоской, отчаяньем и злобой...
Не дай-то бог те дни топить в вине,
иль в наслажденье с молодой особой.

А время капает, как капельки воды,
но ничего они не заполняют.

Теряем медленно сознание правоты
и жизни смысл сознание извращает.

И, наконец, устав от пустых слов,
среди людей чужих и незнакомых,
замрут, чуть вздрогнув, стрелки у часов,
звонки умолкнут бойких телефонов.

Мгновенно вспомнишь одинокий путь,
которым шел упрямо, бестолково,
с которого мог сотни раз свернуть,
но не нашел ни сил в себе,
ни слова

«...И бродит наслаждение...»

...И бродит наслаждение
и бедрами качается,
и чьё-то наваждение
в желанье превращается.
Кольшется упругостью
нетронутой сомнением
и подступает глупостью —
тоской грехопадения.
Влечет волна отчаянья
в глубины сладострастия.
Безмолвьем одичания
и ласкою участия.
Все струны сердца спутаны
непрощенною нежностью.
А на душе так муторно, так тошно
от поспешности...

Чёрно-белые розы

Я тебе подарил
ненавистные розы
в день отчаянной стужи
проклятой зимы.
Были розы нежны
неизбежны как грезы
Преисполнены жуткости
и новизны.

В сумрак липкий свечей
мы упали случайно.
Были стоны
нежны и слышны.
Черным пламенем стыли
на скатерти алой
Розы в жадных понятиях
ночной тишины.

Поцелуями.
Лепетом.
Жалостью.
Нежностью.
Животворною сладостью
девичьих тайн.

И моей неумностью
и откровенностью
разлетелся январь
как истлевший букварь.

И, стояли они
черно-белые розы
непорочные розы мои
В аромате любви
Словно капельки слезы
Как колени
раскрыты твои

В гостях

Из небыли,
из зазеркалья,
паук,
не люстра,
камерой хрустальной
завис над лицами,
как астры.

Все суетились у стола.
От недоеденных речей
и недосказанных котлет
лечились музыкой.

Ничей,
общественный
слонялся пес
в колени нос
свой
тыча
то и дело.

Хозяин истый был Ромео
но пыжился сыграть Отелло
Хотела Дездемона спать —

Ей все на свете надоело,
Но телефон трезвонил обалдело

Мы расходились.
У дверей
я пса поймал
дрожащими руками

Желание

Платье хочет убежать
губы не велят.
И пружинами визжать
топчется кровать

Руки прячутся во тьму,
темнота пуста.
Ноги как из ваты пук
ищутся устами

Крик корячится в груди.
Груди слабость рук.
Тело тела позади.
Тел сплошной паук.

Запотевшие глаза
в раковине сна.
За глазами зона зла
и зола ума.

Маг наг

О, как стихи звучат,
когда я наг, один.
И мечется свеча
теньями вдоль стены.

Я маг поющих слов
в звучащей тишине.
И хлещет явь из снов,
таящихся во мне.

Но с волшебством своим
я навсегда один —
безмолвием раним
очарованья спин.

Детское

Из детских тайн я чту одну,
Раздвоенную разом.
Когда я с ней пошел ко дну —
Зашелся ум за разум.

Но в глубину не дала пасть
Холмов остроугольность.
И страсть свою, ощерив пасть,
Пришла в недоуменность.

Свой плен раскрыла красота
Безмолвно и мгновенно.
И сразу стала ты не та,
А та... инством Вселенной.

Пылали губы и ручки
Струились слез невольных.
Доселе мы были ничьи,
А после стало больно.

Не разорваться, не унять
Сердец единый бег...
О, как, невыносимо стать
Тобой

За дрожью

Век.

«Каштановые волосы...»

Каштановые волосы
На мраморе лежат.
Каштановые волосы
Мне не дают дышать.

Ступою сердце квохчет,
Пестом тупая боль.
А женщина хохочет
Над искренней мольбой.

В неведенье пытаюсь
Неведомость познать.
И жалко объясняю,
Что я хотел сказать.

Любимая жестоко
В любовь играть.
И чувственности током
Ласкать—пытать.

Каштановые волосы
На мраморе лежат.
Каштановые волосы
Не мне принадлежат.

Глаза

Что там глаза твои таят?
Вино ли? Мёд? Смертельный яд?
Окно ли в рай иль двери в ад?
Что там глаза твои таят?

Дни сквозь сомнения летят,
Непониманья болью злят,
Любви желанием кипят...
Что там глаза твои таят?

Когда глаза в глаза глядят,
Что наши души говорят?

Я – морж

(Перевод. Джон Леннон, Пол Маккартни)

я – он как ты он как ты я и мы все вместе.

смотри как они бегут подобно свиньям из ружья,

смотри как они летят.

Я плачу.

Сидящий на корнфлексе

ждущий прибытия вагона.

организация меченых рубашек,

глупый кровавый вторник.

Человек, вы ночной юноша,

вы разрешаете вашему лицу удлиниться.

я – яйцеголовый, мы – яйцеголовые,

я – морж липкий липкий ля джуб.

Мистер городской полисмен,

сидящий маленький хорошенький полисмен,

в ряду,

смотри как они летят подобно люси в небе,

смотри как они бегут,

я плачу, я плачу, я плачу, я плачу.

Желтая горькая горчица

капающая из глаз мертвой собаки.

краб запертый рыбьей жизнью парнографической

жрицы.

Юноша, вы ночная девушка,
вы разрешаете вашим бриджам спастись.
я – яйцеголовый, они – яйцеголовые,
я – морж, липкий липкий ля джуб.

Сидящий в английском парке
ждуший солнце.

если солнце не взойдет чтобы дать вам загар
из нахождения в английском дожде.

я – яйцеголовый, они – яйцеголовые,
я – морж

липкий липкий ля джуб,
липкий липкий джи джуб.

эксперт текстперт задыхающийся дымками
не думает ли шутник
смеяться над тобой?

смотри как они улыбаются
подобно свиньям в стае,
смотри как они снуют
я плачу.

манная сардина карабкающаяся на эйфелеву башню
элементарный пингвин славящий аре кришну.

Человек, вы увидите их лежащими эдгара алана по
я – яйцеголовый, они-яйцеголовые, я – морж липкий
липкий ля джуб,
липкий липкий ля джуб.

«Пришла любовь пожаром...»

«Пусть растут глаза на сердце»

Гоголев

«У сердца есть своя стыдливость»

Н. Гончарова

«Надо сеять очи»

В. Хлебников

«Когда глаза в глаза глядят...»

В. Фролов

Пришла любовь пожаром,
сметая все вокруг.
И сердце алым шаром
вдруг выпало из рук.

Теряю равновесье
на нитке бытия.
Сегодня мир мне тесен,
а завтра как петля.

Пришла любовь и друга
я позабыл совсем.
За огненную вьюгой

я странно зол и нем.

Нас вдаль несет взаимность,
пугает чистота...

Пришла любовь, как милость
из божеского рта.

«...Идет она кипучими...»

...Идет она кипучими
ногами по росе,
и слабые могучими
становятся в красе,
убогие – счастливыми,
и жизнь имеет смысл,
когда два нежных атома
в молекулу слились...

СТИХИ

Стихи пришли – я их не звал.
Я не хотел писать.
Забвенья пыл застил глаза,
хотелось заорать.

Все связи с прошлым разорвать,
испелить, распнуть
о чем лишь довелось мечтать...
И кануть, и заснуть.

Стихи пришли – был голос тих,
он никуда не звал.
Наверно так в больнице псих
от боли ускользал.

Целебной вязью шли слова
и был какой-то смысл,
чтоб не кружилась голова
взмывать поспешно ввысь.

Катастрофа

1

Был город нем и удручен.
Тела сочились сотней тем.
И лютовал нелепый случай.
И каждый делал что хотел.

Копали ямы у порога.
Желали крыльев – улететь.
Над истинным твореньем бога
стояла, замирая смерть.

Мгновенья в вечность раздувая
грозили пальцем облакам.
А кулаки раздумывая...
Стихов труха!

Невероятное стеченье
судьбы позорных обстоятельств
и первородное общенье
раз больше не было приятельств

2

Как деформато, дико, глухо!
О, суетяне! Бег замри!

Опять беспомощны старухи
и нищие перед дверьми.

3

Зудью нечёсаной руки топорщатся.
Клещами рака в колючках кактуса.
Жить еще сносно, еще так хочется.
Как у Мальтуса.

Мода на расчлененье живого.
Любованье кусками, фрагментами.
Что это? Кто это? Ого-го!
С кем это?

Со мною... Треклятое, несравненное.
Дрожью ресниц опущенных.
Звоны ли, зовы нитей-нервов,
болью нелепой скрученных.

Эротика

Не знаю, что эротика,
но ротиком вполне.
Прекрасная экзотика,
когда наедине.

Причмокивая сладостно
глаза полужакрыла.
Плясали бедра радостно,
как маховые крылья.

Мгновенье невесомости
и я не понимаю...
Где прячется лицо твое?
Одна сплошная шея...

Глиняное моё

Потаённое сладострастье
на кошачьих каталось шкурах.
Бедра лаковые безучастно
били нагло пружинами в скулы.

Исчезала в пространстве трезвость
и стоял лебединый крик.
Среди тайн, проклиная дерзость,
плавал негой немой язык.

Вся из грешности, выгнув шею,
вся из сна, из струенья мечты
растворялась и стыла, немея,
расплываясь, теряла черты.

Иступление, натиск, вопли
все смешалось в отчаянном выплеске.
Над землёю всплывали голью
дикой нежности лунные изверги.

Непонятное, безраздельное
шатко лапы клало на спины
и ласкало нас в изумлении,
мяло в единое комом глиняным...

Поезд (трилогия)

1

Поезд мчится – лязг, да свист
грязь на лицах.
Раз-вяс-ё-лый машинист,
что не спится?

Ахом мост над головой
и шлагбаум
По лбу саданет трубой
и пропало.

Мчатся пьяные огни,
хохот адский.
Кто на полках, кто притих —
лица-маски.

Не работает стоп-кран
и... довольно!
Ветер хлещет по губам
ярой болью.

Рёв еще повеселей —
перелесок,
Мчится поезд среди пней,

скачет бесом.

Разлетаются шплинты
и... колёса.
По земле уже летим,
нет вопросов.

Улетаем в облака
без улыбок...
Машинист сказал «Пока!»
Время сшибок.

2

Небо бездонное, небо бездомное —
холод и жуть в вышине.
Мчатся вагоны, составом влекомые,
стыки стучат по спине.

Тихий мотив напевает участливо
радиоточка над грязным окном.
Как хорошо просто мчаться и мчаться,
чтобы забыться отчаянным сном.

Тени мелькают. Не люди, а тени.
Что-то вопят в вязкий грохот колес.
Поезд несется сквозь бред исступлений,
сквозь преступленье любви не всерьёз.

Вот он далекий родной полустанок

Девочка машет на счастье рукой
Милая, счастья чужого не надо.
Счастье – старуха с корявой клюкой.

Умерло счастье. Грохочет по рельсам
поезда образ, летящий во мгле...
Сердце упрямое бейся, разбейся
хватит катиться по грязной земле.

3

Еще есть время,
поезд не ушел,
толпятся люди на перроне.
Затюканный со всех сторон,
ищу вагон,
в окне которого
твое лицо
мелькнуло вроде.
Гудок последний
словно человек
вдохнул неловко
с горьким сожаленьем
И замер на минуту
громкий смех
он наступил
момент
прозренья и презренья
Но вот толчок
и первый оборот

колес
прервал на полуслове
фразу
Я ждал и верил
поезд не уйдет
А он уходит
так вот разом
Колеса все быстрее-быстрее
За окнами
чужие лица —
нет ничего не состоится
становиться
ясней-ясней.

Забытое

Прохожих лупила оттепель
сосульками по голове.
Ты спросила куда теперь?
Я ответил нале-
во.

Спенсер Дэвис прижатый кнопкой
как дверями всю ночь визжал.
Очарованный хитрой попкой
на педали я жадно жал.

Утром вымолвив сухо: Здравствуй!
Я увидел, что ты не та.
Стыло двери тугое пространство
и пытались прозреть уста...

Handwritten text at the top of the page, partially obscured by the drawing. Visible words include "yours" and "yours".

Handwritten signature or initials on the right side of the page.

5 песен о художнике

1

нет красок у меня
и нет холста —
одно лишь чванство

2

художник был умен и смел,
но ничего он не умел

3

художник – двуножник

4

Твой образ – хаос...
Хотя смеркалось

5

Если ты художник,
нарисуй меня

Хрустальный корабль

«А вы попробуйте:
нарисовать стихи...
услышать краски...
увидеть звуки...»

Они поставлены на стол
не розы, а стихи
Хрустальные: си-си-ля-соль...
Вселенной шорохи

Они не каждому видны,
а может их и нет...
Идущие из глубины,
людей – иных планет

Частушка

*«Я хочу изобразить мир таким,
каким я его мыслю»*

Пабло Пикассо

Эй, гармоника, сердце жги!
Развевай тоску на века!
Рожи Герники жрут мозги.
Да воспрянет дух Старика!

Созидателей ранит смех.
Извергает земля посев.
Слабым души изгадит грех.
Сильным импульсом неги зев.

Эй, гармоника, режь, части!
Ждем от жизни еще чудес.
Не заморское нам в чести,
А родное, свое, на вес!

Девки шалые аж зашлись.
Слово-музыка невтерпеж.
Разом вывалят женихи.
Не удержишь в коленях дрожь.

Эй, гармоника, к облакам

как заплатата прилип кафтан.
Я ладонями там-тара-рам.
И змеёю ей слов уст ад.

По-над полем, по-над полем
свет от бледного лица.
Почему ты так спокоен
не ударив подлеца?

На нечистых прудах

Воды неровная поверхность
и лебедь черный как утюг
ныряет мрачно в неизвестность
и куцый хвост его как тюк.

Сидим и пьем как истуканы
из общепитовых услуг
нам вышло соку по стакану
все в экскрементах шалых мух

Ныряет лебедь пищу ищет
а нам добыча недосуг
Нас общипают, соки взыщут,
И новых тут посадят... вдруг!

Здравый смысл

Меня пытаюсь ожесточить
ты сердцу делаешь все больней.
А губы яркие, но ничьи,
в мои впиваются все нежней.

Давно утратили здравый смысл
и поистерлись любви слова.
Тебя по-прежнему тянет вниз,
моя же кружится голова.

Нам тайны нежности довелось
пройти случайно за вздохом вздох.
Неверья подлого ржавый гвоздь
терзает раны, пройдя насквозь.

К чему сомненья, к чему слова,
когда душа у людей одна?
Когда, как лава, любовь сама
нас выедает до дна,
до дна?

Цирк

Ты говорила: надо ждать,
беспечно продолжая жить...
Хотелось разом разорвать
тугие путы зла и лжи.

Как на канате в высоте
под дикий рев толпы густой
плясали мы – не те, не те,
душой скользя над пустотой.

Я мчался по кривой стене,
ревел мустангом мотоцикл.
Глотая гарь сквозь горький смех,
я был и жалок и велик.

Как акробат я шел в прыжок,
скакал под голос заводной.
Как тигр усы свои обжег,
летя сквозь обруч огневой.

Отдрессирован и забыт
как куча мусора лежу...
Кому был нужен этот цирк —
я не себе принадлежу.

На вокзале

К чему мне выпренности яд,
ухмылки, хохот?
Любить нетрудно всех подряд
вот одного-то!

Осиротелою лежишь
в моих объятьях.
Ты некуда не улетишь —
на спинке платье.

В глазах чужих не тлен, тоска
и отчужденье.
На строчку нижеется строка,
моля крещенья.

Вот потянулась вдаль рука...
За сигареткой.
«У вас по русскому-то как?
Какой отметка?»

Душою весь перекиплю,
бью наудачу.
Что русский? Я тебя люблю...
А русский?

Начат!

Балет

*«Балет – это когда тело
рождается из музыки»*

Я долго думал, глядя из окна...
Я думал ни о чем.
Случайно муть подняв со дна,
где жизнь была ключом,

я вышел, вывернув ступни...
Балет или кино?
Мое лицо, увы, ничье,
а сам я, как они.

Был шуткою запал, заквас,
но не было смешно —
мне было больно лишь за вас,
что с вами я одно

«СТИХИ ИЗ ЗАВЯЗИ...»

Стихи из завязи
бывают слов,
но не из зависти.
Из звука исчезающих
шагов,
какой-то напастью.

Они —
тугой тетивы крик,
трясины пытки.
Или на волнах
бледный лик
и на улитках.

Привстало небо
на ногах
нагих деревьев...
И от Ван Гога
на губах
лишь пламя веры.

Локоны

Белые локоны падают, падают,
падают мимо и на меня
Губы холодные больше не радуют,
Ты так красива, уже не моя.

Ночь

*«Я забывался и летел
в глаза, которые хотел»*

Сиреневый сад из безмолвья
нахлынул пьянящей волной.
И соловей недовольно
защелкал над головой.

Он вывел мелодию лихо,
на трели ее распустил.
И, наконец, все затихло —
я в сад этот древний вступил.

Пылали чужие созвездья,
их зовы сводили с ума.
Я падал в щемящую бездну
из нежности и из добра.

Шипя проносились кометы —
далекие лики людей.
И выл изумительно ветер,
и тыкался мордой своей.

Я ждал со Вселенной слиянья.

И вот этот миг наступил.
Мне грудь распирало дыхание
Еще не пробужденных сил.

Как ребенок

Как ребенок во сне
я тянулся к теплу,
но никто мне теплом
не ответил.

И ушел я один
в предрассветную мглу,
проклиная все страсти
на свете.

Старый дом проскрипел:
До свиданья дружок —
Позабудь свои
злые обиды.

Я душой сиротел,
но пылал горизонт
и иные пространства
я видел.

«Длинные и рыжие языки от пламени...»

Длинные и рыжие языки от пламени
обрамляют бережно детские черты.
Если б знать заранее что ты будешь ранена
от тебя теперешней я бы смог уйти.

Ты лежишь несчастная, догола раздетая,
не стыдись, бесстыжая, взгляда моего.
Песня твоя нежная, до конца не спетая,
словно сердце выжгла, не задев его.

«То появляются...»

То появляются,
то тонут
в глухой толпе
глаза святых...

Не то, что их
никто не помнит...
А просто людям
не до них!

Пуговки

Пуговки пугали —
глаз не отвести...
Как ходики,
как волны,
как слоны в степи и киты,
и молнии,
и осьминоги.
Нежностью пылали
до самого утра,
сердце пьяными бесом
хохотало.
А в глазах стояла
розовая мгла —
голубого неба
не хватало.

Цветок

Трамвай по рельсам рыщет,
но не видать ни зги.
Постылое винище
не вылечит тоски.

Влюбленные, сгорая,
шипят как пара змей.
От боли замирая,
любить нежнее смей!

Ты в городе пустынном
навекы одинок,
поставленный в витрине
нейлоновый цветок.

Кому тебя подарят,
химический продукт?
Стоишь в дешевой таре,
зеленый, словно труп.

Белым саваном

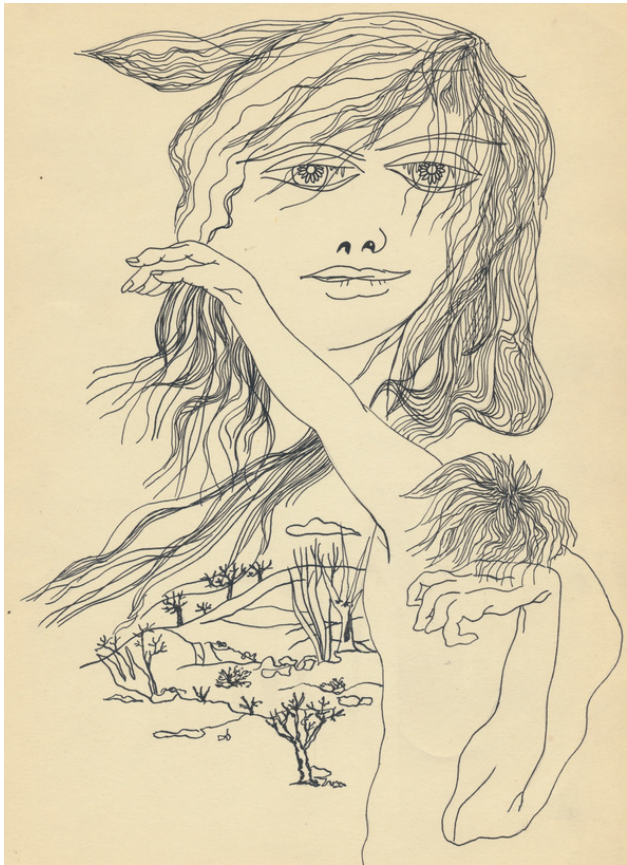
(Из поэмы Сексуальная стена)

Белым саваном укроет
землю первый чистый снег.
Но ничто не успокоит
сердце глупое вовек.

Не пытайся стать далекой —
там я жду тебя давно.
Все мы странно одиноки,
но глядим в одно окно.

Жизнь проходит стороною,
не волнуйся, не грусти —
станешь нежною струною,
все забудешь горести.

И когда-нибудь сольются
наши мысли и сердца
в то единое, что мнится
нам за чудеса Отца.

Вальс весне

По-весеннему радуют сны.

Томной неги полны оне.

Люди ходят пьяны, вольны,

парами и наедине.

Сирой травкой скребется душа

шурша иглами как у ерша.

На шиша зов луны

в окне?

Люди важно танцуют вальс.

Вальс не даст ни упасть, ни пропасть.

Одиноким – на счастье напасть

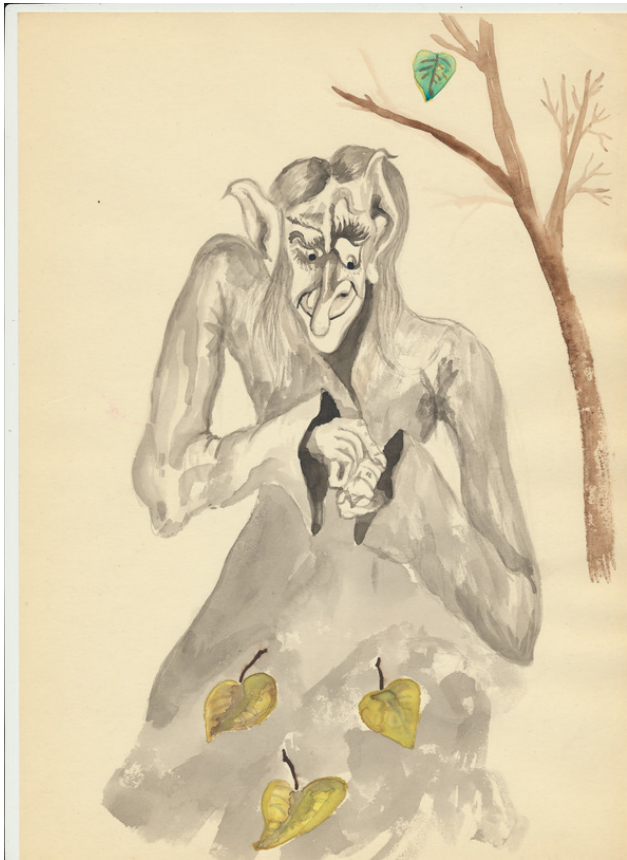
и забыться в чудесном сне

(1,2,3,1,2,3,1,2,3)

по весне

по весне

по весне

Ухожу из замка

Мнешь листву опавшую
по аллеям ты.
Ласкою вчерашнею
вспенены мечты.

Вдоль по сонным улицам
нехотя идешь.
Ждут дома, сутулятся,
ложь таят и дрожь.

В синей мгле пригрезился
неба окоём.
Сладок выгиб месяца...
Разум разъярён.

Кошкой ненасытную
воет темнота.
Мордою немытою
чернота куста.

Радостью неверною
ненавистность тел.
Лотереей скверною
череда потерь.

Ветер прет осевшую
на землю листву.
Ласкою поспешною
гладит по паль... то...

Чудодей

Так ли
сяк ли,
но однажды
хляби небные
разверзлись
и прохожий
беспокойный
замер вдруг
перед мечтой.
Неумные движенья,
скомканные
даже будто,
словно даже
в иступленье,
давкой стиснуты
людской.
Никогда
свою кипучесть
душам чуждым
не вручайте.
Равнодушие
возможно
маска тонкая
иных...

Льнут
прохожие к прохожим
осторожно
и тревожно,
их в груди
трепещет
сердце,
словно птенчик
в страшный миг.
Грязь на ноги
брызжут яро
мимо мчащие
машины.
Перепаханные спины.
Перекошенные рты.
Ненормальных
больше стало,
множат лица их
витрины.
Посходили от
ударов
переполненной
Москвы.
Но прохожие похоже
на влюбленных не похожи —
стайкой винной хороводят,
или курами сидят...

Подземелье

Вспененные тени.
Капанье воды.
Шорохи... Ступени...
На ногах пуды.
В подземелье страшном
дерзкие цветы.
Ненасытность счастьем.
Нега наготы.
Все!
Лишь облик милый
в сумраке плывет.
Ты чужая или
голос оживет?
Голос рушит стены.
Стонет немота.
Навзничь сны.
Мгновенна
жизни суета.

Тела

«Тело тубы золотело»

«Стекло в столетие стекло»

А ночь таит неведомость —
губами шепчет: Мой!
И дикими побегами
всплывает образ твой.

И тянутся-сплетаются
далекие тела...
В нас ночь просыпается
дневная жуть тепла.

И словно говорят они
на древнем языке,
притихшие на краткий миг
в отчаянной тоске.

Недотрога

*«Твои ноги полны
затаенной погони»*

В. Кузнецов

Я отдам тебе спокойно
все сиянье вешних красок —
пусть ликуют изумруды
в закипевших волосах.

Пусть весны очарованье
станет чистотой дыханье,
а ласканье рук любимых
ветерком скользнет к грудям.

Всю тебя преображаю
своей нежностью бедовой
и веселую дорогой
расстилаюсь пред тобой.

Наступай же, недотрога,
мне на сердце болью новой
и иди, смеясь и плача,
в то, что счастьем назовут

Дирижёр

*«Стихам, наверное, дано
лишь с музыкою единенье...»*

Тело тубы золотело.
Теплый голос тек по телу.
Но коричневые скрипки
настояли на своем.

Дирижер, как сумасшедший,
весь умчался в нервы женщин.
И клубок их тел кишачих
был не вообразим и нем.

То одна, а то другая,
умирая и рыдая,
становилась на колени —
окунуться в шалость туб
(Как протуберанцы!)

Отстраненный и жестокий,
наплевав на кривотолки,
он скалою возвышался
над волною алых губ

Сергей Михайлович Барановский

Музыкант

Натруженные пальцы
по клавишам стучат.
Веселые мерзавцы
приветствия кричат.
Скользит по глупым лицам
необратимый взгляд.
Двоится и троится
их беспокойный ряд.
Ты их властитель грозный,
расплавленных умов.
Терзаешь свой нервозный
изверившийся мозг.
Искусством освещаешь
кабацкий полумрак
И тратишь не смущаясь
свой гений за пятак.

А там, в углу, за стойкой,
то говорлив, то нем.
Как на больничной койке
седой старик сидел.
Его кривились губы
насмешливостью злой.
И сквозь гнилые зубы

сочился звук густой.
Он кашлял и кудахтал —
не та мол молодежь.
Вот эдак завтра жахнет
и в атом перейдешь!
И ничего не будет —
пустыня и вода...

Все это было люди —
сто тысяч лет назад.

Трещина

Хлестало мрачно время
из трещины пространства.
И женщина входила —
луч света и коварства.

И было как-то странно,
что я так одинок.
Хотелось рваной раной
разверзнуться у ног.

Невыносимой лаской
свой укротить огонь...
Она прошла с опаской —
попробуй только тронь.

И было как-то больно,
что я так некрасив.
Хотелось своевольно
весь мир преобразить.

Но трещина замкнулась
навсегда, навсегда...
Я видел это чудо!
И мне сказали: Да!

Жажда

*«Не ходите по солнечным зайчикам —
им ведь больно»*

Приглашение

Заходите, заходите!
Будьте здесь как дома.
Посидите, посмотрите
Как тут все не ново.
Не беда, что грязь у вас
На ботинках модных.
Начинаю свой рассказ
О предметах спорных...

Комната №13

Он лежал,
Обессилев от жажды,
И над ним
издевалось Солнце.
Это может
случиться
с каждым
Почему же
никто не смеется.

А где-то,
где все прекрасно,
и это же самое Солнце
бутоны цветков раскрывает,
девушка звонко смеется,
ни о чем не зная,
не ведая,
что в этом мире,
для нее таком
большом и уютном,
не везде такое
счастливое,
доброе утро.

Но и Земля начиналась

С войны атомной
Когда и людей-то не было
И некому было ругаться матом
И никто не мечтал быть гением...

Вот он поднялся и побрел.
Он тело свое поборол.

А где-то,
Где Луна голубым огнем
Двух людей освещает,
Понявших вдруг
Как это славно быть вдвоем,
Ибо только вдвоем
В этом мире,
И можно выжить.

Не делайте глаза большие
Я не о том.

А он все брел
И видел миражи:
Прекраснейшие города
Он покидал без сожаленья
Ему нужна была вода,
Что б погасить внутри горенье.
Ему не нужно было солнце-
Он пить хотел.
Он слова этого не понимал-

Он жить хотел,
Любить,
Осуществить все то,
О чем мечтал,
За что боролся.
Не ради денег и похвал
Он шел к своей
Заветной цели...

А где-то,
Где вода сама
Ласкала чье-то тело.
Где потоки ее
Никуда не впадали,
Люди не понимали,
Как жестоко,
Вкус ее
Заменять лимонадом.
Всеми напитками мира
Не заменишь
Этот
Осязаемый глоток
Воды
в пустыне

Нет,
не
Будет беды
Он дойдет

Он на руки
возьмет
Свое хилое тело.
Он еще споет
О своих мученьях.
И он идет:
Руки как ветви кактуса,
Глаза остекленели...

А где-то,
Где молодая мама,
Кормит дитя своей грудью
и мимо рта
Капает молоко...

Но об этом потом,
А сейчас в пустыне,
В кучу все радости соберем,
Втиснем в эти листы пустые,
бумажные,
может быть,
только тогда пойдем,
что же такое Жажда?

Комната №17

Я хотел бы
Проснуться в Нью-Йорке
Знаменитым боссом.

Я хотел бы
Носить длинные волосы
И орать на сцене
жутким голосом
душераздирающие песни.

Я хотел быть
с той девушкой вместе
И по утрам любоваться
Тем,
Как длинные гибкие пальцы,
Лепестки у цветов раскрывают.

Я хотел быть
Шампанским,
Когда его открывают.

Я хотел быть
Всем тем,
О чем люди мечтают,
Но от чего

Могут отказаться
Но не тем глотком воды
В той,
Злополучной пустыне,
Где бреду вместе с ним
Ибо это
Святыня!

А где-то
В кипящую воду
Опускают сибирские пелемени
И затем выливают воду
прямо на землю.

Я хочу быть везде!
Я хочу все знать!
Даже этой далекой
Звезде лапу пожать.

А где-то,
На южном полюсе,
Ледяные колоссы
Разрезвившись
сталкиваются

А где-то
Колосья
Соком наливаются.

А чьи-то косы
Ножницами обрезают
И хотят быть красивой.

Я хочу быть Водой.
Я хочу быть Землей.
Я хочу быть с тобой счастливым.
Ибо все мы едины
Все мы части
Один другого,
А вместе
Одно целое.

Люди еще не придумали
Этому слова,
Но я верю
В то
что есть оно.

Потому что
Есть небо синее,
Потому что
Земля огромная...
Потому что
любовь это все.
Любовь —
это мир.

Комната №22

Я хотел бы
Иметь свой город
И жить в нем один.
Заполняя собой
Все улицы,
дома и подъезда

Да, что говорить-
Я хочу быть
этим городом
Самим
Чтоб в реке
Вместе с Солнцем купаться
И здороваться
Сам с собой,
И сам с собой
Целоваться.

Выход

А где-то,
Может быть
в сумасшедшем доме,
Люди уж давно
Живут по-новому
И один Солярис
Говорит другому:
«Что ты мне сделал на второе!
Я просил у тебя гречневую кашу.
А ты мне какую-то чашу,
Ненастоящую»
Вам-то смешно,
Рам рукава не завяжут,
Вас печатают даже.
Что ж с того,
Что пока на заборе
В выражениях непечатных.
но классных...

Я хотел бы
Быть этим забором,
Когда мальчишка вихрастый
Задыхаясь от счастья-боли,
Рожицу чью-то рисует
И пишет: «Дура!»

Он через годы скажет:

«Люблю её!»

Эпилог

И сотворил Бог Землю
И стало ему грустно.
А люди на зло ему
взяли да и
придумали искусство

И вот через миллиарды мгновений
Ползу по пустыне я
И пишу на песке своим телом
песни пустые.

Песенка

А где-то
Кто-то с кем-то
Смеялся и шутил
И нежился в трясине
Зеленый крокодил.
И порхали на ветках
Веселые колибри
И люди до рассвета
О чем-то говорили.
Машина поливала
Асфальт водой
Из крана...
Глоток воды,
Один глоток воды...
И хлеба
Двадцать граммов!

Хочу тебя

«В жизни, где все эгоизмом пронизано
как-то странно – видеть цветы на карнизах
и получать телеграммы»

Боль таится в изреченной фразе,
всплывшей мрачно, на исходе дня:
«Я хочу тебя со струпьями, в проказе,
позже всех, и раньше, до меня!»

Сатанеет брошенное тело
на алтарь подобного ему.
Я тебя такой красивой сделал
неподвластной сердцу и уму.

Леденеют ласковые руки,
обнимая страстно пустоту.
Видел я отчаянные трюки,
но такие... Но такую... Ту!

Сердце стынь в коварном обороте.
При вперед железный автомат.
Неужели искренность природы
заменяет чувственности яд?

«Красивая и безрассудная...»

Я в омут синий, злой, бездонный
нырнул и вынырнул, смеясь.
Стоишь иконой чудотворной
иль как очковая змея?

Ужалить хочешь поцелуем?
Обманом в топи завести?
Я не люблю тебя, такую,
хоть сердце корчится в горсти.

Танцуешь, тело тянешь в небо,
тоской расширены зрачки.
Чего ты ждешь: любви, как хлеба?
Или любви, как зверя рык?

Ты ищешь страсти – жгучей лаской,
испепеляешь все вокруг.
Блудливая, на мир с опаской
глядишь – замкнется подлый круг.

Ползи, от страха извиваясь —
наступит кто-то на тебя...
А если нет – сама впитаешь,
накопленный годами яд.

Нега

Ступая сонными ногами
по черепам среди травы,
проходит нега между нами,
не поднимая головы.

Проходит медленно, воркуя,
бледнеют лица, руки льнут.
Уйми сомнения, ликуя...
Находит к сердцу верный путь.

Она красива? Да, бесспорно!
Она умна? Конечно да!
Волною лечит чудотворной
и растирает в пыль года.

Она идет, пугая слабых.
Она для сильных – крестный ход...
Она идет и в след кровавый
вступает кто-то в свой черед.

Детское

Скрипят-хрипят уключины
и, выгибая шею,
сидишь ты неуклюжею
нелепою мишенью.

На лбу счастливом бусинки
от детского старания.
И высыхают трусики
от летнего дыхания.

Развалом роз движение
невыносимо белого.
И близкое крушение
чего-то оробелого.

Вот заводь. Вся кувшинками
усеяна, как звездами.
Сухие плечи льдинками
и не хватает воздуха.

Неверный шаг по берегу,
улыбки непонятные.
Сумятица у дерева
и щеки злыми пятнами.

В разгаре лето знойное
и кажется все сбудется...
А совесть беспокойная
по-взрослому иудится.

Белошеея

Это пятнышко на бедре
В суе неповторимой.
Эти судороги алых век,
Нас сливающие воедино.

Пламень черный густых волос
И слова, нет, их шелест вещей.
Все что до тебя – не всерьез.
Все что ты – настоящее.

Крылья по небу распластав
Улетаем ввысь, леденя
Я люблю тебя – на устах
белошеея

Стансы

Листки со стихами
Лежат на столе.
Их пламя, стихая,
Таится в золе.

Пусть лаской печальной
Наполнишься ты,
Коснувшись случайно
Заветной мечты.

...но иногда,
чаще утром ранним,
когда лишь солнце
на земле одно,
она просыпалась
с предчувствием давним
и, улыбаясь,
глядела
в окно

Счастье не ставит меток.
Горе лежит зловеще,
Делая лики чище,
Делая лица жестче,
Делая взоры зорче
В путях чужих улыбок...
Сердце верней и проще
От ежедневных пыток.

Слоны

Глухие стоны слышатся из под земли —
Идут слоны, нагруженные бревнами.
Они сложить их там должны,
Под пальмами вечнозелеными.

Идут слоны. Погонщицы иглою
Их за ушами колют безразлично.
И я иду.
Ты надо мною
Со всей своей любовью истеричной.

Мне ноги жалят змеи.
Обезьяны
От хохота раскисли на ветвях.
Ты молча направляешь меня в яму.
И боль моя в твоих руках

Измена

Мозг мучит бесова печать —
Все проверять нас заставляет.
Кто не боится потерять —
Тот никогда не потеряет.

Довольно сердцу изнывать.
Искать любви, а ждать разлуки.
Твоей покорной тенью стать,
Ломая вдохновенно руки?

За нервным вздрагиванием век
Таится зло, рождая бурю.
И человек уходит в смех
Или готовит мрачно пулю.

За суетою – ничего.
За красотой одни капризы.
Опало верное плечо,
Отчаяньем влекомо книзу.

Чем выморить свою тоску —
Вином, любовью падших женщин?
Нет, вызову тебя на суд,
Кипящих чувств, в котле безгрешья.

Приду в кристальной чистоте,
С глазами светлыми от боли.
Пусть осуждают те – не те!
Мне весело: я зол, спокоен.

Мне больше нечего терять,
Мне, нищему, пожар не страшен...
Довольно сердцу изнывать
Не настоящим.

Зеркала

Я покидаю Ваши зеркала,
Ловлю устало тени у свечей
Увы, ничейное, становится как мгла,
Как млечный путь за окнами очей

Проходит все и прошлое ясней
Когда из зеркала проглянет образ твой
Хранилище чужих обид, речей
Свидетель жизни честный, но немой

Когда-нибудь, спустя полсотни лет,
Другие люди будут здесь стоять.
И кто-то вдруг услышит слово «нет».
Но слово «да» он снова будет ждать.

Двойник

Не найдя отражения
Я устал и затих.

Здесь
на сфере сближенья
ликовал
мой двойник.

Он смеялся и плакал,
но теперь его
нет.

Вдруг подернулись мраком
Оси древних
Планет.

Где теперь он ликует?
Чьи теперь губы пьют?
Он теперь существует
Сам-собою Живет!

Ходит он
По проспектам
И заходит
В дома.

Вы не видели
Это?
Не сходили
С ума?

Он один
Среди чуждых
Всех подобий
Его.

Мне то это
Не нужно
А ему всё равно.

Где ты тень моя,
где-ты?

Отзовись, отзовись
Только шелесты ветра
В щебетании птиц....

Её памяти

В этом доме давно никто не живет
Он стоит посреди деревни.
Все в нем умерли
и народ охраняет свои поверья

Ночью в дом этот мы зашли
Ты давно умерла, я знаю.
Что внутри?
Все нетронутое и постель большая.

Кружева балдахином спускаются до полу.
И посуда стоит на полках.
За столом никого.
И часы не ходят, замолкли.
Ты давно умерла.
А была такая веселая.
Все хотелось тебя коснуться...

Помню лилии рвал на рассвете,
Чтобы ты улыбнулась проснувшись.

Льдинки

Зимний день последней льдинкой тает,
Синей льдинкой, тайной чистоты.
Ты живешь отчаянно чужая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.